

Человек страны Корякши

Уже год с нами нет Владимира Коянто (Косыгина). И в это до сих пор не верится. Ну, думается, сидит дома, под чутким оком своей жены-половинки Фаины Николаевны, выводит записи в своих дневниках, которые ведет уже более полувека, может, выйдет во двор, прищурится на дальние заснеженные горы, внимательно, по-птичьи чуть склонив голову, приглядится к тебе...

21 января 2013 года ему бы исполнилось 80 лет. Он ушел чуть раньше, за 10 дней до своего 79-летия...

Сегодня об ушедшем писателе может рассказать лишь его вдова Фаина Николаевна Косыгина, продолжающая жить в Палане.

— Фаина Николаевна, Владимир Владимирович никогда не рассказывал о том, как получилось, что он начал писать?

— Конечно, я спрашивала: как ты вдруг понимаешь, что можешь стихотворение написать? «Да не знаю», — отвечал... Ну а впервые он обнаружил, что может писать, в институте, педагоги поддержали его в тот период.

Из дневников В. Косыгина: «Август 1950 года. Я, моя сестренка Люба и земляк Гоша Попов приехали в Ленинград, на учебу в Институт народов Севера. Громыхая пустыми фанерными ящиками-чемоданами, в которых кроме кружки и ложки ничего не было...»

Добрые люди проводили юных северян к институту и передали в руки декану Северного факультета профессору-лингвисту М. Г. Воскобойникову. Именно он будет дотошно разбирать первые неуверенные строки будущего корякского писателя, учить его выступать перед публикой, вселит в него уверенность в своих силах... А его учительницей по танцам была знаменитая северная танцовщица, ученица А. Дункан Т. Ф. Петрова-Бытова. «Пленные городом на Неве, мы склоняем головы, теперь уже седые, перед ним за то, что он поднял наш стих и благословил в далекую и трудную дорогу по имени ПОЭЗИЯ» (книга «Тумми»).

— Но если у кого-то было по вдохновению, то Володе надо было сидеть и работать, — продолжает Ф. Н. Косыгина. — Я находила множество набросков разных вариантов, много-много листочков, на полках, в книжках, везде...

— А где вы познакомились?

— В Палане в 1960 году на окружном смотре художественной самодеятельности, устроенном в честь 30-летия Корякского округа.

Для В. Косыгина-Коянто его жена всегда и везде была просто Фа. «Даже не знаю, не помню, когда он начал меня так называть. Давно», — смущенно говорит Фа. И здесь мы должны

«А как хочется жить! Жить! Жить!

Еще всё только по-настоящему начинается, столько работы!»

В. Коянто (Косыгин), март 1971 года

сказать несколько слов о самой Фаине Николаевне, заслуженном работнике культуры, почетном жителе Паланы, более полувека проработавшей в Корякии, верной спутнице корякского поэта, достойно прошедшей вместе с ним время его литературной и политической популярности и последние годы тяжелой болезни.

После окончания Владимирского библиотечного техникума, в 1957 году, молоденькая Фая, родом из Владимирской области, приезжает на Камчатку. «Я помню, как мы, молодые специалисты, которых за дорогу набралось аж восемь человек, приехали в Петропавловск. Привели нас в областное управление культуры на распределение. «Вы приехали поднимать культуру среди местного населения, бороться с малограмотностью и помогать улучшать быт», — сказали нам тогда», — с улыбкой вспоминает Ф. Н. Косыгина.

По распределению она попадает в Олюторский район, в ныне закрытое село Олюторка. Тогда это был очень богатый рыбными уловами колхоз имени Горького.

«Это было начало 1970-х, сельская интеллигенция была активной, да и партия тогда строго спрашивала с просветителей, культработников и учителей за идеологическую работу, — продолжает Ф. Н. Косыгина. — Манильцы тогда первыми бросили клич по всем камчатским селам бороться за культуру и быт местного населения, ну и наша комсомольская организация откликнулась. Мы решили делать подворные обходы, создали комиссию, в которую входили медик, учитель и я, библиотекарь, ходили по домам. Учили: «Михаил, ты чего чай попил и все бросил? Надо чашку сполоснуть, тряпочкой стол протереть». Учили хозяйку прибирать дома, стирать и даже мебель покупать. Потому что деньги рыбаки зарабатывали хорошие, а в дома ничего не покупали. Помню, у нас была одна образцово-показательная семья — Хуххе, у них все было чисто, аккуратно, по ним и равнялись. Кроме этой работы, большая роль уделялась самодеятельности. Каждый вечер мы собирались в клубе на репетиции и проведении различных кружков. И очень не хватало нам музыканта, пока не приехал Егор Лилькив, выпускник музыкального училища, баянист родом из Хаилино. Я в журналах найду новые песни с нотами, принесу ему, он ноты прочтет, музыку подберет, а я напеваю».

— Вы, кроме того, что были библиотекарем, еще и пели?

— Да, была певунья. Звонким высоким голосом запедала в хоре. Сейчас-то, конечно, уже все не то, но приятно вспоминать, что когда-то это умела! — смеется Фаина Николаевна и продолжает:

— Культурная работа тогда процветала, деньги на нее давали, проводились смотры самодеятельности, районные, окружные, областные. Мы с Егором прошли отбор и попали на па-

ланский смотр. Помню, когда разбирали наши выступления, заметили: «Вот, с Олюторского района как хорошо подготовились: русская девушка, корякский парень поют украинскую песню! Вот — дружба народов, вот где единение!», — вновь заливается смехом рассказчица. — Но вот мы приехали в Палану. Володя тогда уже заведовал Домом культуры, я увидела его на сцене и поняла: вот оно, корякское искусство. Он танцевал с Семеном Трапезниковым и девушкой, имя которой запамтовала, танец «Соперники», с характерными гортанными звуками. А у меня аж дух замирал от поднявшейся в душе бури. Потом он читал свои стихи и пел под гитару. Этот концерт покорила меня. Я безмерно влюбилась. Но пока не в него — в искусство в его исполнении. После концерта я подошла к нему и попросила поделиться репертуаром для нашей сельской самодеятельности. Мы встретились и, видно, почувствовали родство душ.

текарь. «Путина... Это слово было ей понятным и близким — ведь пять лет проработала она среди рыбаков, в большом рыболовецком колхозе. А теперь она привыкала к другому слову — олени. Олений человек... и ее муж Коянто, тоже олений человек». И еще: «Моя жена уже спит. Ей совсем невдомек, что я думаю сейчас о сыне, которого она скоро подарит мне. У меня будет сын, обязательно сын...»

Кстати, этот прием — писать главных героев с себя и со своей половинки — будет еще использован, например, при работе над «Родным ветром»: «Антонина Григорьевна. Русская женщина. Владимирская. Педагог. Умная. Серьезность и терпение — пример величайшего мужества. Ценит в человеке более всего искренность, и это ее увлекает. Николай — ее муж, искренен. Он северянин, местный житель. Она поверила ему. Ее черта — смело идти за тем, во что веришь...»

В следующей серьезной работе Коянто — «Верхние люди подождут»

Большая семья Косыгиных. В центре — Владимир Владимирович и Фаина Николаевна

Потом молодые люди, жившие в разных селах, с нетерпением ждали любой командировки, которая давала им возможность встретиться. «Меня в нем многое поражало, например, свобода и раскрепощенность. Но главное, я всегда вновь и вновь в него влюблялась, когда видела его на сцене».

«Месяц молочных важенок» — красивый поэтический оборот для названия повести, изданной в 1974 году, но не совсем ясный. Спустя несколько страниц произведения читателю открывается, что каевель — это апрель, месяц, когда днем в тундре «греет солнце, оживают карликовые березки, журчат ручьи, а вечером звенит и настится снег. В этот месяц в тундре появляются первые олени». Эта самобытная повесть легка как песня, идущая из глубины души, опять же, включает в себя дневниковые записи. По существу она автобиографична, главные герои — молодой коряк, работающий в просветительской «Красной яранге», и его русская жена-библио-

(1976) — уже с первых строк чувствуется серьезный, повзрослевший автор, прислушивающийся к советам старших товарищей, с отточенным слогом и образами. Что удивительно, эта повесть, рассказывающая о событиях полувековой давности, практически пересказывает то, что происходит сейчас с оленями и оленеводами Паланы. «...Когда только была организована первая сельхозшкола, стадо оленей при ней свое имело. Студенты и учились, и практиковались. Ведь именитые оленеводы вышли из стен профтехучилища, на них держалось все оленье хозяйство округа» («Тумми»). «Горе постигает тундровых людей, когда от них уходят олени... Нельзя допускать, чтобы люди тундры остались без оленей... Чтобы познать тундру, ее людей, надо мыслить, как тундровики мыслят, видеть, как они видят, говорить, как они говорят» (там же). Да, история развивается по спирали. Жаль, не учитывая уроков прошлого.

— А вам не кажется, что вы

с вашим владимирским характерным говором незаметно передали его и Владимиру Владимировичу? — продолжаем разговор с женой поэта и писателя. — Во всяком случае, он нередко прослеживается в его произведениях. Например, откуда бы у северянина в обиходе появились «ладонушки» и «дневниковое лукошко»?

— Может быть, он ведь очень любил Владимирскую землю. Его там согревали таким теплом. Любил он нашу деревню имени Воровского, мама моя его очень любила.

— Как родители приняли корякского паренька?

— Хорошо, сердечно. Одна только тетка спросила: «Фая, что это ты какого выбрала-то?» А мне-то он казался самым красивым. Утром, вставало, проснешься, и мне все в нем мило. Как он наденет брючки, заправит рубашку и, последний штрих, затянет ремень, да такой аккуратенький, ладный!

Владимир Косыгин даже думал переехать на Владимирщину. Но не довелось, как пророчески писал в дневнике еще в конце 1970-го: «Шутит со мной Палана, не хочет отпускать никуда».

— А если говорить о друзьях?

— Самым близким, конечно, был

Гоша Поротов. Потом — Евгений Гропянов. Для него была настоящая трагедия, когда он ушел из жизни, он рыдал, так ему не хватало его телефонных звонков. Ведь они созванивались по каждому поводу, советовались, зная творчество друг друга, каждый понимал другого с полуслова.

«— Володька-а-а! Иди чай пить! — В рубашке в роспуск, босиком стоял на крыльце своей избушки Гоша и звал меня. Тогда иначе он меня и не называл. Это потом я для него и Володенькой, Володей, чаще — Коянто, в немилости — Косыгин, в большой нежности и доверительного уважения — Северный Бог... Если Гоша зовет пить чай, значит, есть новая песня, сотворил очередную шутку или написал музыку... Кем посланный этот чародей? Кто он?.. О, твоя мандолина, Гоша. Я видел, как поднимала она на ноги тяжелобольных старцев в Верхнем Хайрюзове.

На мандолине
Кто играет? Хорошо!
Подика
Поротовский Гоша!
(«Олени бежали к морю»)

«Пишу письмо Поротову. Мы поруганы, хотел обидное написать, но снова моя Фа: «Зачем быть злым, будь выше злости...» («Мой XX век. Дневники»).

Еще об одном друге — Евгении Гропянове: «Дорогой Женя! Почти полвека, да каких, мы связаны, а вернее сказать, органически спаяны... ты старался глубоко вникнуть в мое творчество, ты, как и я, жил им, ты — издатель, а лучше сказать — создатель нашего общего Дома — литературы... И собрат по перу — писатель. Ты — большой друг нашего дома. Моей семьи» («Мой XX век. Дневники»).

Еще в студенческие годы В. Косыгин приобрел привычку вести дневник, впоследствии эти записки станут основой многих его произведений. «О, дневники мои, великие спутники, что ни страница, то этюд или новелла, просто реплика или готовый рассказ... На моем длинном жизненном пути я ставил вешки — мои дневники. Вешки ставят для того, чтобы не заблудиться: одни указывают путь к друзьям, другие — к недругам. В молодости эти вешки метил я по большому Союзу, потом по великой России, а теперь, когда и годы уже не те, и силенок маловато, потихоньку-полегоньку по моей родной матушке-тундре...» («Тумми»).

Фаина Николаевна говорит, что муж никогда не показывал ей своих дневников, с их содержанием она знакомилась, как и все читатели, пока не выйдет в свет очередная книга воспоминаний. «Он только мог намекнуть: «Сегодня я в дневнике писал, ой, о тебе я тааам...» — лукаво тянет. Я: «Ну, покажи, покажи». «Нет». Сейчас, читая его дневники думаю, ох, если бы он мне давал читать... Там, оказывается, обо мне он так хорошо говорит... В жизни он так мне ничего не говорил, а в дневниках-то я вдруг обнаруживаю любовь большую, уважение. И теперь мне, задним числом, жалко все... Сказал бы мне тогда или показал бы запись...»

«В нынешнюю-то пору много ли человеку надо? По-моему, нет. Просто вернуть ему радость. Приехала Фа, и дом стал домом...» («Мой XX век. Дневники»).

Короткие строки из дневника говорят о многом: «20 января 1971 года. Вернулся из Петропавловска. Встреча с Фа была теплой и радостной. 21 января 1971 года. Мне — 38! Только с Фа. Хорошо!» («Мой XX век. Дневники»). А чуть позже принимает решение посвятить повесть «Олени бежали к морю» своей дорогой Фа — «другу и советчику», «моей спутнице, Богом посланной!»

Внимание руководителей разных лет и разного уровня, период работы в Москве, в полпредстве президента страны, по словам Фаины Николаевны, не избаловали Коянто: «Видать, он хотел попробовать себя не только на творческом поприще, но и на политическом. По складу характера-то он вояка!»

«Эх, Коянто, Дон Кихот Ламанский! Неужели тебе не надоело драться с пустыми мельницами?» — фраза из дневниковых записей. И далее: «Нет, не надоело. Время расставит все на свои места, а я, привыкший утверждать себя каждый день, верю — оно придет!»

— При этом Володя много переживал, думал, ночами засиживался, изливая свои мысли и волнения в дневнике, — продолжает задумчиво Фаина Николаевна. — А в его «московский период» я была особенно спокойна за него, так как тогда он был очень собран и сконцентрирован на работе, ощущая высокую меру ответственности.

Для писателей характерно придумывать свои слова и обороты. Одно из таких у Коянто было «самоначатие». «Это значит, — объяснял в дневниках автор, — не дожидаясь, пока все поймут истину: самому поступать праведно, не боясь быть «одним в поле воинном» и идти поперек шествия «всех вместе»».

С женой Фаиной и дочерью Еленой на Кецаевских чтениях, 2008 год

Мало кому известно, что в Москве в сентябре 1990 года Косыгин попадает в ДТП, его сбивает троллейбус. Спасает писателя и депутата Корякии печатная машинка, принявшая удар на себя. В своем дневнике он об этом пишет кратко: «Много было крови и изуродованное лицо. Отбросило метров на 10, на зеленый лужок. Это — счастье. Целый час ждали «скорую помощь». Потом милицейская машина привезла меня домой. Стало плохо...» («Мой XX век»).

Много лет спустя травмы, полученные при этой, как тогда решили, несерьезной аварии, когда «Владимир Владимирович немножко столкнулся с троллейбусом», как сказала его сватья, дадут о себе знать.

Владимиру Косыгину было тяжело смириться с немощью последних лет, когда дух, бывало, все равно рвался в бой. «Иногда он говорил: «Я все равно поднимусь! Ух, тогда, гад, я дам!» — вспоминает жена писателя. — К нему уже начали снисходительно относиться, что его очень раздражало и расстраивало».

«Не беспомощным и безнадежным хочется быть, не-е-е! Жалость убивает человека, если она неискренна» («Мой XX век»).

— Фаина Николаевна, а сам Владимир Владимирович выделял какие-то из своих произведений как наиболее удавшиеся? Были любимые работы?

— Осенний цикл стихов был его одним из любимых, с ними часто выходил на сцену. Он всегда очень ответственно готовился к встречам с читателями, перебирая свои записи. Как помнишь, он очень любил иллюстрировать танцы...

«На огороде с Фа и внучкой Катей — Фа напомнила об осени. Я в ответ на падающий лист прочитал строку из своей «Осенней зарисовки»: «А я уселся на высоком пне и с грустью Осень провожаю».

— А какая она у нас по счету? — спросила Фа.

— Тридцатая! Осень в Седанке — особенная! Осень в Палане, осень в Воронском или в Москве! Тридцать разных осенних годов» («Мой XX век»).

«Нашел ли я собственное «Я», в чем моя индивидуальность? Пока то, что пишут обо мне, только одна хвалба, настоящего разбора нет. А как он мне нужен, этот настоящий разговор! Пусть даже самый уничижающий!» («Мой XX век»).

Как и положено, дневники хранят размышления автора о себе, сомнения

и душевные терзания, например: «Четко понимаю, что злость — не лучший способ мирного разрешения конфликтов. Во мне (может, это только кажется) больше доброты и великодушия, и в жизни я, как говорится, не «узкий» эгоист. Но?!» Или: «Умею ли я жить, не отвлекаясь на пустяки? Как много времени уходит на них. Ведь мне уже 37! А что позади? Почти ничего. Как плохо мы ценим настоящую жизнь». И следом: «...Я бегу, хватая все подряд, бегу, не останавливаясь», и — «...мне кажется, я вязну в политику». А потом: «Областное радио в новостях передало, что кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР оленеводы совхоза «Паланский» выдвинули меня. И радостно, и грустно. Горностайчик скребет в душе...»

— Фаина Николаевна, а юбилей свои Владимир Владимирович любил отмечать?

— Готовился к ним и любил, но именно из-за встреч с читателями. Он любил, чтоб зал был полон, говорил, что самое плохое для него — полупустой зал, тогда, говорил, у меня портится настроение, и даже может ничего не получится. Но если все шло хорошо и людей был полон зал, он властвовал на сцене, читал стихи, отрывки из своей прозы, исполнял песни и танцы, а еще — достойно отвечал на все вопросы, какими бы они ни были. И я всегда была на этих встречах, не хотелось ничего пропустить! Я смотрела на него из зала, зорко следила, — вновь смеется Фаина Николаевна, — потому что дома потом продолжалось дотошное обсуждение: почему это сказал, а не то, почему так, а не иначе. Он не видел во мне строгого судьи, но знал, что скажу правду, и делал выводы. «Да, ты права, вот тут я, видимо, дал маху!..»

Из дневников В. Коянто: «У нас с Фа так: если мне нравится мое писание, а ей нет, значит, надо работать. Это я взял за правило» («Тумми»).

«Юбилей! Иногда кажется, что этот «предмет» не очень достоин общественного понимания, особенно если это юбилей творческой личности и если он отмечается в наше время... Пойди, пойми, кто есть кто? Тут и был твой, не всегда понятный людям, и твое положение в обществе, и, наконец, твое понимание этого общества. Немаловажно и отношение к тебе, как к человеку и как к персоне. Сам я уже устал считать свои юбилеи... разные они были...» («Олени бежали к морю»).

Родом из национального села, Владимир Косыгин был пронизан традициями и обрядами своего народа, поэтому поначалу категорично отвергал православие жены. «Поначалу он был против, чтобы я ходила в церковь. Я расстраивалась, но все равно ходила на службы. А однажды не пошла, сказала, ты мне запрещаешь, буду тебя слушаться. «Нет! — сказал Володя. —

Ты без церкви — не ты. Иди!». И потом, постепенно, сам пришел к Богу, покрестился и стал верующим. У него был в друзьях отец Василий из церкви Александра Невского, созванивались, встречались в городе. И сейчас, перебирая записи, я нашла и не знаю, что с ним делать, стихотворение, посвященное отцу Василию. Такое доброе, хорошее, и батюшка о нем не знает. Подарю-ка, наверно, его отцу Василию на Рождество».

«...То к бубну тянемся, то Библию листаем...» («Тумми»). А в середине 2000-х годов Коянто уже уверенно пишет в дневниках: «Вера и православие — мое духовное богатство» (там же), даже работает над созданием церковного цикла стихов. «Основная тема, вернее, задумка этих стихов — не «как жить?», а «зачем жить?». Надо, наконец, понять самого себя, раскрыть свою душу... Душа — это вера и разум. Это две нити, связка которых раскроет Душу. Смогу ли я в своих стихах все это передать, все это понять и выбрать правильный путь? Пока молю Господа Бога и прошу его благословения...» («Мой XX век»).

Среди дневниковых записей, полных и знаменитых государственных политических имен, и имен, известных только жителям Корякии, нет-нет, да и встречаются упоминания о детях и внуках автора. Причем чем автор старше, тем чаще.

«У детей, если они увлечены и не потеряли еще чувства ответственности, что бывает с годами, и ум, и тяга к творчеству поразительны. Мешать не надо, а советовать — не назидательно» («Тумми»).

«27 июня 1971 года. Дочь не может оторваться от «Евгения Онегина»... Сегодня пришли из леса, Лена сидит, перед ней томик Пушкина, она в слезах. Это хорошо. Пушкина надо читать: или плакать, или безудержно радоваться» («Мой XX век. Родной ветер», стр. 15).

«Утром по окружному радио прошла передача о сыне. Как мне порой быва-

старину, при отце. Самая маленькая — правнучка Юлька» («Мой XX век»).

«Сегодня с утра внучка Катюша принарядилась... Как хочется еще пожить ради детей, ради внуков. Посмотреть на их путь. Каким он будет?» («Тумми»).

«Кирилл... остался в Санкт-Петербурге. Там годы мои юные пролетели, там любил и был любим, там научился жить и гордиться своей Камчаткой. Держись, внук! Даже уйдя в другой мир, я не перестану гордиться тобой. Только держись и твори свою жизнь сам!» («Мой XX век»).

«5 октября 2007 года. Все: Фа, Катя, Таня, Вова и я собрались у сына в кабине: Вовчанчик делает клип о Палане, Андрей — сын — записывает, а мы читаем стихи о Палане местных авторов. А все-таки так приятно и хорошо, когда мы собираемся вместе. Говорим. Работаем или празднуем. Не наладуешься этому!» («Мой XX век»).

«Мы ушли! Но мы вернемся в своих сыновьях, внуках, правнуках. Так будет всегда!» («Тумми»).

Фаина Николаевна длинными вечерами перебирает оставшиеся от мужа дневниковые заметки, которые он вел практически до последних дней. А их, этих записей, немало... Нелегко, очень нелегко после стольких лет единения одной читать записи, оставленные дорогим человеком, написанные уже неровным почерком, разобрать которые под силу только любящему сердцу.

— Считаю своим долгом все это разобрать, распределить, — мягкий голос Фаины Николаевны уходит в себя. — Вот уйду с работы, займусь Володиными записками. Надо, чтоб меня хватило...

«Коянто, где же ты? Когда вернешься? В первый день, как только ты уехал, поднялась пурга, ветер свистел и выл в трубу. Деревянная танцовщица, которую ты подарил мне в день рождения, падала с полки. Тетушка Нэвыл сказала:

— Покорми кукулу. Скучает Коянто по тебе. Покормишь — падать не будет. Таков наш обычай!

На юбилейном концерте ансамбля «Чакоки» в Палане, 2003 год

ет стыдно, что я до сих пор не могу исполнить свое давнишнее желание: поговорить с Андреем о его творчестве, указать на какие-то недостатки, оценить, хотя бы по-отцовски, все достоинства его песен, музыкальных сопро-

вождений для театральных пьес, порассуждать вместе с ним над его картинами... Сегодня горжусь и в дневнике закливаю: «Только не топи, сынок, свой прекрасный Дар, жалованный Богом, в современной безумной распушенности, в которой уже увязли многие даровитые твои сверстники. Дорожи этим даром и будь светел!» («Тумми»).

«1 января 2007 года. Новый год всей своей большущей косыгинской семьей — 14 человек за большим столом, как в

Я покормила. И она действительно перестала падать. А я считаю дни... Коянто, дорогой... За меня не волнуйся. На душе у меня весна. Весна, которую мне никогда не забыть» («Тумми»).

«Я не желаю зла живому, я просто увидел памятник прошлому и старался рассказать о нем объективно... А настоящим судьей писателя является только время... А пока напутствие поэта из народа коми Димы Фролова:

Своих ушедших в памяти храни:
Пока мы живы — живы и они.
А мы живем — пока ушедших помним!»

(«Тумми»)

Галина Уркачан, Палана

«...Я плакал, глядя на свою обнищавшую родину, Корякию. Я жалел её, как жалеют брошенное дитё. Кто и когда поможет ей, поднимет?..»

В. Коянто, из разговора с А. Смышляевым в Ковране в 2004 году